

ПИСЬМЕННЫЙ И УСТНЫЙ ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

У статті розглядаються і зіставляються формальні параметри, за якими можна протиставити і детермінувати усне та письмове спілкування в російській лінгвокультурній спільноті. Це спосіб позначення місця і часу комунікації, характер адресації, підпису, етикетних формул, маркерів специфіки повідомлення, а також комбінаторні можливості названих параметрів.

Ключові слова: лист, адресант, адресат, епістолярний вокатив, заключна формула ввічливості.

В статье рассматриваются и сопоставляются формальные параметры, по которым можно противопоставить и детерминировать устное и письменное общение в русской лингвокультурной общности. Это способ обозначения места и времени коммуникации, характер адресации, подписи, этикетных формул, маркеров специфики сообщения, а также комбинаторные возможности названных параметров.

Ключевые слова: письмо, адресант, адресат, эпистолярный вокатив, заключительная формула вежливости.

In the article some formal parameters on which it is possible to oppose and determine verbal and writing intercourse in the Russian linguocultural community are examined and compared. It is a method of the denotation of a place and time of the communication, the character of addressing, signatures, formulas of etiquette, markers of the specific character of a report, and also combinatory possibilities of the adopted parameters.

Key words: letter; sender; addressee, epistolary vocative, final formula of courtesy.

Процесс человеческого общения осуществляется, как известно, либо в устной, либо в письменной форме, и в обоих случаях этот процесс объективно представляет собой многоплановую и чрезвычайно сложную в лингвокультурологическом, а также в процедурном плане речевую деятельность людей с целым рядом сопутствующих этой деятельности экстралингвистических факторов ритуального главным образом характера. И наиболее значимы здесь, по мнению учёных, два основных аспекта практически любой коммуникации: 1) собственно информационный, направленный на выполнение определённого коммуникативного задания, и 2) регулятивный, обеспечивающий контроль, дозирование информации или, например, её установку на определённого рода воздействие [1: 219]. В первый из этих аспектов включается весь потенциал соответствующего языка с требованием довольно жёсткого соблюдения установленных норм на каждом из ярусов его структуры. Регулятивный аспект регламентирован в меньшей степени, но и он тоже предполагает определённые, общепринятые, в крайнем случае просто приемлемые, но при этом чрезвычайно разнообразные, а иногда даже спонтанные приёмы и средства своей реализации, и в частности приёмы и средства установления, поддержания и за-

вершения речевого контакта, представленные самыми различными, как это, в частности, показано в словаре русского речевого этикета [2], речевыми образованиями. И тем не менее, если вынести за скобки содержание сообщения, которое в принципе не может быть табуировано, а тем более предписано ни адресатом, ни конечно же исследователем эпистолярки, некоторая закономерность в реализации регулятивного аспекта коммуникации, его системность всё же просматривается, и просматривается она, как это мы попытаемся показать ниже, достаточно чётко. Отсюда и основание для постановки вопроса о наличии и особенностях некоторого комплекса сопутствующих коммуникации формальных, т. е. непосредственно не связанных с планом содержания, параметров (своего рода условностей) как устного, так и эпистолярного общения с общими и специфическими характеристиками соответствующих коммуникативных феноменов.

Общий комплекс формальных и зачастую сугубо ритуальных параметров, предшествующих прагматике общения, сопровождающих и завершающих собственно коммуникацию, а также речевая конкретика этих параметров какими-то жёсткими рамками, разумеется, не ограничены, и многие из ритуальных лингвистических фигур носят универсальный для обеих форм коммуникации характер с теми или иными развее что статистическими их нюансами. К таким фигурам относятся приветствие; обращение к адресату; вопросы о здоровье, делах или новостях; различные пожелания; извинения за причинённое беспокойство; формула прощания и т.п. Что-то из перечисленного может быть опущено, что-то используется и при устном и при письменном общении, но по-разному оформляется (в письме это, например, постскриптум, обозначенный *PS*, при устном общении что-нибудь вроде *Да, забыл сказать*), что-то чаще фигурирует при непосредственном, визуальном контакте людей (скажем, приветствие типа *Доброе утро* и формула прощания *Спокойной ночи*), что-то используется преимущественно в письмах (например, вокативы *Милостивый государь* или *Глубокоуважаемый господин главный редактор* и заключительная фраза типа *жду ответа*), но немало и абсолютно специфических как для одного, так и для другого жанра коммуникации конструкторов собственно лингвистического и экстралингвистического характера, однозначно противопоставляющих устное и эпистолярное общение не только формально, но и в культурно-этическом плане.

Объективизированные формальные параметры как дифференциальные признаки устного и письменного общения представляют для лингвистов особый научный интерес, причём не только потому, что позволяют определённым образом детерминировать две основные формы человеческого общения, но и потому – а это, на наш взгляд, гораздо важнее, – что дают возможность предметно разобраться в самой эпистолярке, определиться, в частности, с тем, что следует квалифицировать в качестве собственно письма, письма как послания, как документа и как самого распространённого и самого репрезентативного продукта речевого творчества человека. С такой установкой мы и сопоставим сопутствующие общению коммуникативные лингвистические фигуры устной и письменной речи, акцентировав, однако, внимание на эпистолярном материале.

Будем исходить из того, что содержательная составляющая письма как документа и как речевого произведения представляет собой некий субститут соответствующей составляющей естественного, т. е. устного, визуального общения и в принципе, кроме как в субстанциональном, материальном отношении, ничем от неё, как правило, не отли-

чается. Что же касается сопутствующих этой составляющей формальных параметров устной или письменной коммуникации, будь то приветствие, обращение, прощание, подпись, дата и т. п., то определённый комплекс именно этих конструктов общения (при их, разумеется, введении в соответствующее речевое построение) может маркировать и даже прогнозировать не только его способ, но и его эпистолярный жанр. И это вполне естественно, поскольку в письменном послании так или иначе, с той или иной степенью полноты и адекватности обозначаются характерные для непосредственной коммуникации обстоятельства, связанные с условиями, местом и временем общения, а также с визуальным восприятием собеседниками друг друга. При устном же общении меньше вербальных маркеров жанра и соответственно иная экстралингвистика, иной набор и характер его формальных параметров, иная их редукция, вплоть до прямой противоположности. И вот на этот счёт очень простая, но, как нам представляется, достаточно убедительная иллюстрация. Инвариантом письма, какой бы характер оно ни носило, является его содержательная составляющая, в чём бы она ни заключалась. Без неё письма нет. Все сопутствующие этой составляющей параметры послания могут быть опущены, как это имеет, например, место в письмах А. С. Пушкина П. А. Вяземскому [3: 123], А. И. Герцена А. А. Герцену [4: 457], С. А. Есенина Г. Н. Панфилову [5: 106–107] и мн. др. При устном общении противоположная ситуация, и визуальный контакт общающихся людей далеко не всегда включает в себя содержательную составляющую, не всегда предполагает обмен информацией. Инвариантом здесь является только ритуальный фрагмент коммуникации. Собственно общение может ограничиться только приветствием типа *Добрый день, Здравствуйте, Привет* и подобного же рода ответом без последующего вербального контакта поздоровавшихся друг с другом людей.

Прямая противоположность ритуальных аспектов устного и письменного общения наблюдается и в его композиции. Так, встреча и прощание вступивших в визуальный речевой контакт людей довольно часто сопровождается определёнными физическими действиями, такими, скажем, как рукопожатие, объятия, поцелуй, и действия эти предшествуют собственно общению независимо от того, будут ли они ещё и после завершения разговора. При этом в вербальном сопровождении, а тем более в вербальном субституте соответствующих действий необходимости нет, хотя в той или иной форме дублирование не исключено. Композиция письма иная. Адресант указанных действий осуществить не может, и он заменяет их соответствующими словами, причём только в заключительной части письма при прощании и, как правило, сопровождается их различными эпитетами, компенсируя тем самым невозможность непосредственного выражения своих чувств. А. П. Чехов, например, это делает так: *Крепко жму Вам руку* [6: 272]; *Крепко сжимаю тебя в своих объятиях* [6: 100]; *Целую тебя крепко, до обморока, до ошаления* [6: 383]; *Обнимаю сто один раз, целую без конца мою жену* [6: 431]. Или ещё эмоциональнее и с обозначением ещё каких-то желаемых адресантом действий, которые невозможно осуществить в письме: *Благословляю тебя, бабуня, перевёртываю несколько раз в воздухе, целую в спину, похлопываю, подбрасываю, ловлю и, крепко сжав в объятиях, целую* [6: 468].

Мы не имеем возможности в рамках одной статьи представить полную номенклатуру формальных параметров, сопутствующих информационному аспекту коммуникации, а укажем ещё только на наиболее, по нашему мнению, значимые из них, и в частности на

такие, которые абсолютно специфичны либо для устной, либо для письменной формы общения и которые имеют собственно языковое выражение при их включении в письмо. Таких параметров шесть: 1) выходные данные письма, т. е. время и место его отправки, 2) приветствие, 3) эпистолярный вокатив, представляющий собой прямое или косвенное обращение к адресату, 4) заключительная формула вежливости, 5) подпись адресанта, 6) маркер специфики сообщения. Избирательность указанных параметров проявляется как в их абсолютности, так и в тех или иных частностях, характеризующих какую-то конкретную коммуникативную ситуацию.

Первый из указанных параметров абсолютно специфичен для эпистолярики, что непосредственно обусловлено основным предназначением письменной речи не только преодолевать пространство и время, но и фиксировать то и другое, способствуя тем самым адекватному восприятию содержания письма. Устное же общение, если оно не носит специального характера, не требует конкретизации ни времени, ни места акта коммуникации.

Приветствие в обычном понимании этого слова и явления в системе дифференциальных признаков письма не входит, и наличествовать оно может или не может при любой форме контакта. Однако при устном общении и особенно при неожиданной встрече знакомых людей приветствие модифицируется в его абсолютно специфичный и, как правило, экспрессивный субститут: *Какие люди! Какими судьбами! Сколько лет, сколько зим! Кого я вижу!* и под.

С эпистолярным вокативом дело сложнее, и существенны при этом в качестве дифференциальных признаков прежде всего формы установления контакта и указания адресата. Прямое обращение может быть и в письме, и при визуальном контакте людей, но косвенная адресация типа *г-ну Волкову; жителям Заречного района; декану исторического факультета* и т. п. присутствует только в письме.

В свою очередь, обращение в виде вопроса: *Сергей Петрович?* или *Вы водитель этой машины?* – возможно лишь при непосредственном контакте собеседников. При этом только при непосредственном контакте за таким вопросом может последовать вопрос встречный: *А Вы кто?* или *Что Вы хотите?* Специфичны только для устного общения и обращения типа *Мужчина!* или *Женщина!* без их, правда, детерминации.

Такого же рода частности, дифференцирующие жанр коммуникации, имеют место и в заключительной формуле вежливости при завершении общения. В письме эта формула может представлять собой довольно сложную конструкцию такого, например, типа *При желании всем здоровья, счастья, свидетельствую моё глубочайшее почтение маменьке Вашей, Софии Михайловне и Сергею Михайловичу с супругою, а Вас, дорогой Павел Михайлович, душевно обнимаю и прошу не забывать любящего Вас Аполлинария Горавского* [7: 82], хотя чаще она стандартна и может выглядеть, скажем, так: *С чувством глубокого уважения имею честь пребыть Вашим покорнейшим слугою* [6: 454]. Иногда эта формула выглядит очень коротко: *С почтением* [5: 113]; *С приветом* [6: 203]. Подобные речевые фигуры и даже обычное в наше время *С уважением* почему-то не используются при устном общении, а замещаются универсальными для обеих форм коммуникации конструкциями типа; *Всего Вам хорошего; Счастливо; Желаю удачи* или только традиционным прощанием.

Абсолютно специфичен для письма пятый параметр. Подпись при устном общении просто невозможна уже по самому определению соответствующего явления. Невозмо-

жен и какой бы то ни было её субститут. Никто из собеседников не называет своей фамилии или своего имени, прозвища, псевдонима после завершения общения. И если даже разговор заканчивается какой-нибудь фразой, указывающей на личность того или иного собеседника, такой, например, как *С Вами разговаривала Анна Матвеева*, собственное имя в ней подписью не является, да и сама эта фраза входит в содержательную составляющую общения. Специфичны, разумеется, только для письма и сопровождающие подпись адресанта местоимения *Ваши, Твой*, а также практически все атрибуции, указывающие на характер отношения автора письма к своему адресату: *преданный, любящий, готовый к услугам* и др.

Наконец, шестой параметр, связанный с какими-то особыми условиями коммуникации и маркирующий их. Если речь, в частности, идёт о письме, то оно может в зависимости от его характера и назначения сопровождаться такими, например, директивами, как *лично, важно, срочно, секретно, совершенно секретно, без копии, копия* (и указание кому или куда), *для* (и указание для кого), *перепечатывать запрещено, вскрыть* (и указание когда), *шифром, только курьером* и мн. др. Некоторые из этих и других директив, касающихся, скажем, степени конфиденциальности разговора, конечно, могут при должном их словесном оформлении сопутствовать устному общению и даже входить в содержательную составляющую коммуникации. Однако есть и такие маркеры специфичности, подобные трём последним из приведенного списка, наличие которых при визуальном контакте общающихся людей просто абсурдно, и в естественных условиях коммуникации никому не придёт в голову сказать что-нибудь вроде *ты услышишь всё, что я тебе только что сказал, только после того, как я уйду*. Такого рода маркеры могут сопровождать исключительно письменную речь.

Помимо указанных специфических параметров устной и письменной форм общения, есть, разумеется, и другие, менее акцентированные их характеристики, которые могут иметь собственно лингвистическое выражение (различные сокращения в письменной речи и интонационный рисунок в устной), но могут носить и экстралингвистический характер. Письмо, например, может быть прервано в любой момент и возобновлено с того же самого места через неопределённый, в том числе и очень большой промежуток времени, при устном же общении паузы, как правило, регламентированы. Можно также говорить о степени информативности письма и устного сообщения, в рамках принятой их нормативности, об их супraseгментных характеристиках, о необходимости специального обозначения того, что квалифицируется как постскриптум, и ещё о многом другом, так или иначе противопоставляющем устную форму общения письменной, однако ключевыми и наиболее репрезентативными при всём при этом остаются, по нашему глубокому убеждению, прежде всего указанные выше параметры. Само наличие, а соответственно, и различные комбинации этих шести формальных параметров при том или ином способе общения не только маркируют соответствующий способ как устный или письменный, но и квалифицируют во всяком случае второй из них в качестве некоего собственно эпистолярного феномена. А это открывает определённые перспективы для построения общей типологии письма, письма как документа и как речевого произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал РСС, 2001. – 358 с.
2. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: ок. 6000 этикетных слов и выражений / А. Г. Балакай. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. – 767 с.
3. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – Т. 10. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 905 с.
4. Герцен А. И. Сочинения в девяти томах. – Т. 9. Дневник 1842–1845. Письма 1832–1870 / подгот. текста писем и прим. Л. Р. Ланского. – М. : ГИХЛ, 1958. – 756 с.
5. Есенин С. А. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. – 5. Автобиографии, статьи, письма / подгот. текста и прим. А. А. Козловского, А. М. Марченко и др. – М. : ГИХЛ, 1962. – 455 с.
6. Чехов А. П. Собрание сочинений. В двенадцати томах. – Т. 12. – М.: ГИХЛ, 1963. – 784 с.
7. Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову (1856–1869) / сост. Н. Г. Галкина и М. Н. Григорьева. – М. : Искусство, 1960. – 372 с.

УДК 821.02./01

Зинина О.А.
(Минск, Беларусь)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ НЕКОТОРЫХ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Стаття присвячена розгляду етнокультурної специфіки деяких англійських прислів'їв і приказок. Аналіз здійснюється в зіставленні з аналогічними російськими афоризмами. Національно-культурна маркованість аналізованих одиниць коментується за допомогою лінгвокраїнознавчого коментарю.

Ключові слова: національно-культурна маркованість, прислів'я й приказки, етнокультурний компонент, мова й культура.

Статья посвящена рассмотрению этнокультурной специфики некоторых английских пословиц и поговорок. Анализ проводится в сопоставлении с аналогичными русскими афоризмами. Национально-культурная маркированность анализируемых единиц комментируется посредством лингвострановедческого комментария.

Ключевые слова: национально-культурная маркированность, пословицы и поговорки, этнокультурный компонент, язык и культура

The article deals with the study of ethnic and cultural features of some English proverbs and sayings. The analysis is provided in comparison with the correlating Russian aphorisms.